

«ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ» КАК НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

По мнению автора статьи, «церковная археология» является одним из тематических направлений «исторической археологии», занимающихся культовыми и погребальными сооружениями исторического периода. Эти выводы сделаны на основании исследований культурного слоя Николаевского мужского монастыря в г. Верхотурье и поисков останков Василиска Сибирского и Константина Меркушинского, признанных Русской православной церковью святыми. В методах поиска, раскопок и реконструкции археологических памятников письменной эпохи имеются существенные отличия от традиционных процедур исследования «доисторической археологии». В первую очередь это синтез данных письменных и археологических источников. Основной рабочий материал доисторических эпох – орнаментированная керамика – нередко отсутствует. Нет необходимости в выделении археологических культур, определении этнической и культурной принадлежности создателей памятников. Имена строителей и период существования объектов с высокой для археологии точностью можно узнать из письменных источников. Исследования на стыке истории и археологии предполагают также работу над единой периодизацией наук и обоснованием поздних хронологических границ археологии.

Ключевые слова: историко-археологические методы, культовые сооружения, церковная археология.

DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-14

Введение

Термин «церковная археология» использовался еще в XIX в. для обозначения ее как области научного знания, изучающей историю и культуру православных народов. Церковная археология имела литургическую и материализованную составляющие. Православные объекты исследовались и традиционными археологическими методами. По мнению В.М. Массона [1995, с. 8], «при таком подходе эти группы объектов полностью вливаются в общее русло археологической науки как одно из ее достаточно существенных направлений».

Начало ширококомасштабных реставрационных работ в православных храмах связано с возвращением в конце 1980-х гг. большого числа объектов Русской православной церкви. Археологические раскопки автора во время реставрации Николаевского мужского монастыря в г. Верхотурье (1989–1990 гг.), поиск и обретение мощей Василиска Сибирского (2000 г.) и Константина Меркушинского (2004 г.) дали практический материал для изучения культовых памятников исторического периода и определения объекта исследований «церковной археологии».

Возрождение интереса к Николаевскому мужскому монастырю в Верхотурье было связано с двумя событиями: возвращением его Русской православной церкви и подготовкой к празднованию 400-летия со дня основания города. Летом 1989 г., впервые после закрытия находившейся здесь детской колонии, появилась возможность проведения исследований внутри ограды монастыря. В 1988–1990 гг. студенческим отрядом Свердловского архитектурного института под руководством В.И. Симиненко проводились реставрационные работы ограды монастыря. Они сопровождались значительными земляными работами, связанными с укладкой дренажа, выравниванием юго-западной башни и укреплением фундамента южного и западного участков стены, к востоку

и западу от надвратной Симеоно-Анненской церкви. В этих работах принимал участие и автор, проводя археологические исследования планировки, хозяйственной и культурной деятельности монастыря [Курлаев, 1998, с. 92–109].

Один из старейших в Зауралье Николаевский мужской монастырь был основан в 1604 г. иеромонахом Ионой Пошехонцем у источника вблизи г. Верхотурье. О ранней истории обители известно немного, так как большая часть монастырских архивов погибла в неоднократных пожарах. Сохранившиеся относительно поздние описания монастыря освещают основные этапы строительства и различные события в его истории, значимые при проведении археологических исследований. Известно, что в монастыре были возведены Николаевская (1738 г.), Преображенская (1834), Симеоно-Анненская (1856) церкви и Крестовоздвиженский собор (1913). В 1752 г. вокруг монастыря установили каменную ограду. Внутри ограды построили настоятельский корпус (1774), братские корпуса (1808 и 1856), трапезную (1855), гостиницу (1889) [Баранов, 1910]. В конце 1920-х гг. в монастыре разместили детскую исправительную колонию. С 1989 г. обитель была возвращена православной церкви.

Материалы и методы

Всего за 1989–1990 гг. на территории монастыря было заложено три раскопа общей площадью 160 кв. м и несколько разведочных шурфов. В практическом плане для последующей деятельности обители, успешного начала реставрационных работ и планомерных раскопок у южной стены монастыря было очищена территория от заградительных и осветительных сооружений колонии и полутораметрового навала земли и строительного мусора, разрушающих стену. Была обнаружена старая система водоотвода и выявлены причины подтопления фундаментов. Еще в 1860 г. настоятель монастыря Гавриил сообщал архиепископу Неофиту о том, что в Николаевском храме из-за грунтовой и дождевой воды потрескались стены и подмыло фундамент, «...и под полом вода в большом количестве; прорытою же недавно из-под притвора того за ограду монастыря канавою вся не вытекает...» [Баранов, 1910, с. 70]. Открытие системы дренажных канав и причин появления провалов в грунте развеяло легенды о монастырских подземельях, уходящих в сторону верхотурского кремля и женского монастыря [Слукин, 1988, с. 51–54]. Удалось также обнаружить водопроводную трубу, проложенную от «Святого источника» до трапезной в 1898 г. Позже по трубе был найден и сам источник.

В научном плане эти работы дополнили скурые сведения о планировке и материальной культуре монастыря в первые века его существования. В его юго-западной части внутри и за пределами ограды, построенной в 1752 г., находилось обширное кладбище. Даже в XIX в. о нем уже не сохранилось никаких сведений и следов. В 1855 г. при рытье рвов в юго-западном углу ограды под фундамент трапезной «на саженой глубине было открыто много полуистлевших человеческих костей и гробов. Едва ли это было не первое монастырское кладбище. Оно так древне, что в 1855 г. о нем не сохранилось никаких преданий» [Екатеринбургские епархиальные ведомости, 1894, №22. С. 532]. Трудно сказать, знали строители или нет о его существовании, но, закладывая фундамент ограды, сохраняли останки погребенных. При раскопках было обнаружено 14 могил. Все погребенные похоронены по православному обычаю. Инвентарь погребений беден. Среди находок можно упомянуть только серьгу, остатки кожаной обуви – поршней и два медных литых нательных

креста, датированных XVII в. В первое столетие существования обители территория монастыря была значительно меньше, и, очевидно, на кладбище хоронили не только монахов, но и жителей Верхотурья. Следует отметить находку могильной каменной плиты размером 114×86×20 см. Полностью расчистить и установить ее длину не удалось. Могила не вскрывалась. Возможно, здесь лежит основатель монастыря Иона Пошехонец.

В раскопе 3, заложенном к востоку от надвратной церкви, были расчищены остатки жилой и хозяйственной построек XVII – начала XVIII в., а также большое количество гончарной керамики XVII в. и изразцов XVIII в. В 1624 г. Михаил Тюхин, перечисляя кельи живущих в монастыре старцев, не забыл упомянуть, что тут же находился двор, где жили монастырские половники. Очевидно, постройки сгорели в большом пожаре 1716 г. Следует также отметить, что под современным дорожным покрытием у юго-западной башни сохранились деревянные плахи – единственные зримые остатки знаменитой Бабиновской дороги.

В 1997 г. по инициативе настоятеля Верхотурского Николаевского монастыря о. Тихона была предпринята попытка обнаружить останки преподобного старца Василиска, похороненного в 1824 г. в Свято-Николаевском монастыре г. Туринска. До возвращения объектов монастыря РПЦ в 1996 г. на территории монастыря размещался гараж. В то время поиск проводили школьники из военно-патриотического центра «Тайфун-42». Раскопки проводились непрофессионально и без оформления соответствующей документации. При вскрытии бетонного пола в одном из гаражных боксов на месте разрушенного храма Вознесения Господня на глубине около 120 см был обнаружен человеческий скелет, находящийся в кирпичной обкладке («склепе») и гробе длиной около 1 м. Останки ошибочно определили как мощи старца Василиска и передали настоятельнице Туринского Свято-Николаевского монастыря игуменье Елизавете.

В 2000 г. для поиска истинного захоронения преподобного старца Василиска археологическими методами по инициативе духовника Ново-Тихвинского монастыря игумена Авраама и по благословению епископа Екатеринбургского и Верхотурского Викентия был привлечен автор статьи [Курлаев, 2010, с. 19–24]. Раскопки проводились в июле-августе 2000 г. Контроль и координацию работ осуществлял игумен Авраам. Большую помощь в успешном проведении работ оказали настоятельница Свято-Николаевского монастыря игуменья Елизавета, руководители и работники ряда организаций г. Туринска. На заключительном этапе раскопок участвовали послушники мужского монастыря Всемилового Спаса г. Екатеринбургa Сергей, Леонид, Максим, Евгений и Георгий. Непосредственно при вскрытии погребений присутствовали игумен Авраам, наместник мужского монастыря Всемилового Спаса иеромонах Андроник, другие священнослужители. Для поиска останков старца Василиска производилась подборка фотографий и сведений из печатных источников и устных рассказов.

Туринский Свято-Николаевский мужской монастырь был основан в 1624 г. тобольским архиепископом Киприяном. Монастырь расположился в нагорной части г. Туринска. В 1775 г. в нем была заложена каменная церковь во имя Вознесения Господня с колокольной и двумя приделами. Кроме храма в монастыре имелись другие деревянные и каменные постройки. Среди них три каменных корпуса, построенные в 1846, 1852, 1900 гг.

В конце XVIII в. Зосима Верховский по совету своего учителя, пустынножителя старца Адриана, вместе с другим учеником старца – Василиском отправился в Сибирь. В 1821–1823 гг. Туринский Свято-Николаевский мужской монастырь был преобразован в женский при непосредственном участии Зосимы Верховского (1767–1835). 26 октября 1822 г. Зосима Верховский и старец Василиск с присоединившимися к ним сестрами прибыли в Туринский монастырь. 29 декабря 1824 г. старец Василиск скончался и был погребен в Свято-Николаевском женском монастыре с северной стороны соборного алтаря Вознесенской церкви. По преданию первоначально над могилой старца была положена плита с надписью [Записки..., 1849, с. 19–87]. Позднее над его могилой был установлен памятник, что заметно на одной из ранних фотографий монастыря. Впоследствии на месте могилы была установлена часовня, о чем говорится в «Ведомости о церкви Николаевского женского монастыря за 1915 г.». Из ведомости следует, что в монастыре «часовен одна, возле храма, во имя мученика Василиска, основана 13 августа 1913 г. Освящена 21 мая 1914 г. Зданием каменная, покрыта железом. Построена на добротные даяния тщанием послушниц сего монастыря Валентины и Людмилы» [Записки..., 1849, с. 80].

С приходом советской власти в 1922 г. был взорван храм во имя Вознесения Господня, разобрана каменная монастырская ограда, разорена часовня над могилой старца Василиска. В дальнейшем на территории обители располагались: детская колония для девочек из репрессированных семей, детский дом, автошкола ДОСААФ. В июле-августе 1994 г. Свято-Николаевский женский монастырь был вновь возрожден, настоятельницей его стала игуменья Елизавета. В марте 1996 г. состоялась передача прежней территории и зданий. К моменту поиска храм и часовня были разрушены, а на территории монастыря сохранилось три каменные и одна деревянная постройки, оставшиеся от существования обители в дореволюционный период, послужившие для нас ориентирами при поиске следов часовни. Были проведены приблизительные измерения на местности с соотношением данных из текстовых описаний изображения на фотографиях. В итоге удалось примерно определить местонахождение алтаря храма и часовни под бетонным полом гаража.

С помощью небольшого экскаватора была прокопана траншея, перпендикулярная остаткам стен храма. В результате был выявлен край фундамента северного придела храма во имя Николая Чудотворца. Дальнейший поиск контуров стены храма и центрального алтаря не позволяли стены и бетонный пол стоящего гаража. После разборки гаража и вскрытия бетонного пола на глубине 0,8 м были обнаружены остатки стен и деревянных плах пола часовни. Используя их контуры, разбили раскоп площадью 36 кв. м, в который вошел весь фундамент часовни. Наличие остатков пола укрепило нас в мысли, что могилы в период советской власти не вскрывались. В то же время остатков упомянутой плиты и памятника найдено не было. Часовня имела восьмигранную форму, что соответствует ее облику на дореволюционных фотографиях. Размеры между внешними краями стен колебались от 5,20 до 5,50 м. Толщина стен составляла 0,80 м. Внутренние контуры имели форму креста.

Всего в пределах часовни были обнаружены семь погребений. Сведения еще об одной могиле (погребение №1), обнаруженной неподалеку от фундамента часовни при строительстве гаража в 1968 г., были сообщены нам местными жителями. На скелете взрослого человека тогда обнаружили лицевую часть вицмундира чиновника середи-

ны XIX в. с двумя рядами пуговиц. Погребением №2 в нашей классификации стал скелет ребенка, обнаруженный в 1997 г. и переданный игуменье Елизавете. Кости скелета имели светло-коричневую окраску. Судя по длине гроба (около 1 м), а также по сохранившимся зубам (некоторые из них еще не прорезались), останки принадлежали подростку. При расчистке выяснилось, что кирпичная обкладка, или так называемый «склеп», в котором находилось погребение №2, являлась частью стены часовни. Аналогичное отношение к покойникам при строительстве стены в Николаевском монастыре в Верхотурье мы уже упоминали выше. При закладке фундамента часовни гроб также не вскрывали и не переносили, а обкладывали кирпичом и оставляли внутри сооружения. Погребения №3–6 детские, гробики имели длину 30–80 см. Они находились внутри контуров часовни, но не вскрывались. Погребение №4, как и погребение №2, частично находилось в стене.

В центре пространства фундамента часовни было расчищено еще два погребения: №7 и №8. Расчистка погребений началась 2 августа 2000 г. с погребения №7. На ход работы повлияли следующие обстоятельства. К вечеру этого дня после двухмесячной жары начиналась сильная гроза. Поэтому гроб не вскрывался, а был извлечен вместе с подстилающим грунтом, помещен в новый гроб и доставлен в Екатеринбург, где был расчищен в помещении мужского монастыря Всемилоственного Спаса. Размеры гроба 1,8×0,5 м. Умерший, ростом 160–165 см, был похоронен по православному обычаю: на спине, головой на запад, руки сложены на груди. Череп скелета лежал на левой височной части на поперечной доске, подложенной под голову. В области лица сохранились остатки ткани черного цвета, очевидно, покрывала, вышитого золотыми и серебряными нитками. По всей длине скелета и под ним были обнаружены фрагменты серой или выцветшей ткани, возможно, от савана. Погребенный был обут в кожаную обувь, от которой остались отдельные фрагменты. Сохранился также фрагмент кожаных четок.

Погребение №8 обнаружено в 90 см от погребения №7 с некоторым смещением к северу относительно центра фундамента часовни. Захоронение расчищалось 3 августа 2000 г. после ливня на месте находки. Гроб размером 2×0,7 м заметно отличался своей массивностью, толщиной и сохранностью досок. Умерший был ростом 150–155 см. В области груди погребенного был обнаружен параманный крест из дерева с вырезанным изображением восьмиконечного креста. На груди в области кисти левой руки находилась россыпь из семи одинаковых бусин из стекла синего цвета и 38 шариков бисера черного цвета, очевидно, от четок. Под запястьем правой руки находилось скопление шести различных бусин, напоминающих форму креста. Среди них обращают на себя внимание одна крупная ограненная бусина диаметром 15 мм, выполненная из дымчатого хрусталя, две одинаковые бусины коричнево-желтого цвета из янтаря и четыре мелких бусины, сделанные из различных материалов. Под затылком сохранилось несколько узких кожаных полосок, являвшихся, очевидно, элементами крепления клобука. У голени левой ноги были обнаружены фрагменты кожаной обуви черного цвета без каблука.

В результате организованной в июле-августе 2000 г. экспедиции на территории Свято-Николаевского женского монастыря в г. Туринске после разборки гаража и проведенных на его месте археологических раскопок были найдены остатки часовни, поставленной на могиле старца Василиска. Находка фундамента часовни, его размеры и форма, аналогичные изображенным на фотографии, а также соответствие местонахождения относительно соборного алтаря не вызывают сомнения в том, что нами было обнаружено

место захоронения старца Василиска. При раскопках часовни мы убедились, что ее подземная часть с захоронениями не была разорена. Гаражные опоры благополучно расположились по внешнему контуру часовни. Всего там были найдены семь погребений, выполненных по православному обряду. Пять из этих погребений определены как детские.

Наличие значительного количества детских погребений внутри часовни нашло объяснение после ее полного вскрытия. Строительство часовни началось практически через столетие после смерти старца Василиска в месте, где ранее длительное время было кладбище, и вблизи алтарной части производились захоронения. При закладке фундамента часть этих захоронений оказалась внутри часовенного фундамента.

Помимо детских погребений в центре часовни были обнаружены два взрослых погребения. В погребениях №7 и 8 были обнаружены прямые свидетельства принадлежности к монашеству: параманный крест, остатки четок. На основании экспресс-исследования, проведенного антропологом Института истории и археологии УрО РАН Д.И. Ражевым, удалось установить, что останки из погребения №8 принадлежали женщине старше 50 лет.

Погребение №7 внешне выглядело более скромным. На основании того же экспресс-исследования было определено, что эти останки принадлежали мужчине старше 50 лет. Таким образом, на основании результатов проведенного археологического поиска, раскопок и антропологического заключения можно уверенно утверждать, что погребение №7 и является захоронением останков старца Василиска.

Продолжая тему обнаруженных погребений при строительных и реставрационных работах, отметим и наши раскопки в с. Меркушино. 3 июня 2004 г. при планировке поверхности грунта в районе алтарной части вновь построенного Михайловского храма в с. Меркушино было обнаружено захоронение священника. Обнаруженная могила мешала дальнейшему продвижению строительных работ. По приглашению представителей РПЦ автор 5–6 июня 2004 г. производил в Меркушино расчистку останков [Курлаев, 2010, с. 23–24].

Захоронение обнаружено у южного придела храма в 140 см к востоку от стены алтаря. Оно находилось на глубине 30–40 см от уровня вымостки. Гроб находился в выдолбленном в слое камня углублении. В некоторых местах сохранилась фрагменты обивки гроба в виде полос золотистой ткани, сотканых из медных нитей. К моменту приезда погребение было вскрыто и частично нарушено. По рассказам строителей в момент обнаружения могилы и снятия верхних досок гроба ткани погребальных одеяний были в относительной целостности и имели яркие цвета, но к моменту приезда на открытом воздухе остатки одежды разрушились и практически потеряли цвет. Все работы на погребении производились при непосредственном присутствии священнослужителей. Они же давали ценные советы по погребальному облачению покойного.

По их оценке погребенный был священником. В районе живота-груди находились Евангелие и напестольный крест, вложенный в правую руку. Из одеяний были обнаружены остатки епитрахили и фелони. От епитрахили в районе бедренной части сохранились небольшие фрагменты ткани золотисто-зеленого цвета, четыре ажурных крестика из медной проволоки (размером 7×7 см), один аналогичный крестик поменьше (4×4 см), а также пять бронзовых литых ажурных пустотелых пуговиц диаметром до 12 мм (всего шесть пуговиц). От фелони остались куски двухслойной ткани: верхний слой золотисто-зеленого цвета, нижний, более грубый, – сиреневого цвета.

В районе макушки был обнаружен фрагмент головного убора (камилавки?), сплетенный из ниток кружев. Нательного и наперсного крестов обнаружено не было. По мнению о. Михаила, в то время наперсный крест в могилу не клали. Без наперсного креста были обнаружены и останки новомученика о. Константина. Нательный же крест мог быть деревянным и не сохранился.

В захоронении были обнаружены две наиболее заметные вещи: напрестольный крест и Евангелие. Напрестольный крест был размером 30×23×3 см, пустотелый, изготовлен из листовой меди толщиной 1 мм. На лицевой части находились пять эмалевых вставок с иконографическими сюжетами. Евангелие – размером 23×16×5 см. На лицевой части книги, покрытой тонкими серебряными пластинками, сохранились изображения евангелистов. Евангелие имело кожаный переплет, на тыльной стороне для прочности использовались медные пластины. Книга сильно обветшала, страницы отсырели и слежались, поэтому попытки открыть и выяснить дату ее издания не предпринимались. Под Евангелием были обнаружены обрывки истлевшей бумаги. По мнению о. Георгия, это был текст молитвы, положенный на тело покойника. Судя по останкам, священнику к моменту смерти было 30–40 лет. Точное время захоронения установить затруднительно, но по степени сохранности останков это произошло 100–150 лет назад. После расчистки погребения останки, а также все вещи, найденные с покойным, доски, весь прах и тлен из заполнения могилы были тщательно переложены в новый гроб, закрыты и переданы о. Михаилу для последующего перезахоронения на этом же месте после окончания строительных и земляных работ.

Обсуждение результатов

Расчищая монастырские слои XVII–XIX вв., мы вплотную столкнулись с проблемой неизученности материальной культуры последних столетий. То, что является обычным при исследовании древних эпох: коллекции находок и на их основе классификация и датировка вещей – пока неприменимо для поздних памятников. Эти коллекции еще предстоит собрать.

Надежда на письменные источники заканчивается тогда, когда начинаешь с ними работать, поскольку они фиксировали лишь отдельные стороны человеческой деятельности. Да и тем немногим документам, что мы сейчас можем увидеть, пока просто повезло миновать пожары и чистки, в которых уже погибли многими столетиями собиравшиеся архивы. Нелишне напомнить, что и архив Николаевского мужского монастыря в Верхотурье сгорел, а его большая библиотека пропала в годы революции.

Во время историко-археологических полевых изысканий сформировалось представление о последовательности работы на разрушенных объектах исторического периода. Говоря о методике исследования, необходимо отметить тот факт, что многие ключевые методы, применяемые в доисторической археологии, перестают работать. Более всего это становится заметным при обработке и интерпретации материала. Основной рабочий материал доисторических эпох – орнаментированная керамика – отсутствует. Нет необходимости в выделении археологических культур, определении этнической и культурной принадлежности создателей памятников. Имена строителей и период существования объектов с высокой для археологии точностью можно узнать из письменных источников.

Вместе с тем в изучении объектов исторического периода реально использование традиционной процедуры археологического исследования: полевых работ и камераль-

но-кабинетной обработки и обобщения данных. Возможно применение стратиграфического, планиграфического методов, а также одного из наиболее важных в археологии – типологического метода. Но в исследовании решающую роль начинают играть письменные источники. В методах поиска, раскопок и реконструкции памятников появляются существенные особенности, которые изменяют традиционную процедуру исследования. В первую очередь комплексный характер исследования – органичный синтез сведений письменных источников, методов и результатов археологических исследований. Увеличение объемов информации из письменных источников делает ее решающей, а данные археологических исследований – вспомогательными.

В археологической разведке поиск следов и остатков памятников исторической эпохи осуществляется по письменным источникам (описаниям, картам). На их основе нередко можно точно выявить время деятельности объекта, название объекта, язык, этническую принадлежность его создателей, что чаще всего невозможно для памятников доисторической эпохи. Разведки, проведенные с использованием архивных данных, позволяют устранить спорные точки зрения, выявить местонахождение объектов для дальнейшей работы с их остатками, уточнить окружающую историческую топономику. Одна из задач и проблем – установление доказательной связи между обнаруженными остатками и сведениями из письменных источников, а также соотнесение старинных планов с современной топографией местности. Существует и техническая проблема – это масштабные объемы работ при археологическом обследовании следов и остатков эпохи промышленного освоения.

При исследовании скрытых в земле остатков археолог становится ключевой фигурой, без которой не может проводиться полноценная работа других специалистов. Изучение культурного слоя – трудоемкий и дорогостоящий процесс, поэтому невозможно уделить равное внимание всем памятникам; необходимо выявлять наиболее уникальные и пытаться сохранить некоторые из них. Раскопки памятников пополняют сведения о планировке, архитектуре, этапах перестройки. В процессе исследования собираются образцы изделий, полуфабрикаты, отходы производства для последующего изучения их методами естественных наук, составления типологических рядов предметов и формирования музейных коллекций.

Обычно в земле на месте объектов сохраняются мощные фундаменты, поэтому раскопки «под снос» невозможны. Выходом из такой ситуации может быть консервация остатков или создание музея под открытым небом. В авторской практике имели место установка памятных знаков на разрушенных промышленных памятниках и создание анимированной 3D модели сооружения XVIII в. [Курлаев, 2008, с. 9–17]. Не так далеко то время, когда будет исчерпана традиционная источниковая база, основанная только на письменных или вещественных источниках. За областью исследований, находящейся на стыке и во взаимодополнении этих источников, по мнению автора, будущее и истории, и археологии. И раскопки в монастырях – не только посильное участие в реставрационных работах, но и небольшой вклад в копилку изучения культовых и погребальных памятников исторического периода, или, в просторечии – «церковной археологии». Целенаправленный поиск захоронений останков, признанных мощами святых, в итоге может стать совместной многолетней научной программой, подкрепленной имеющимся опытом и разработанной методикой комплексных историко-археологических исследований.

Заключение

В традиционной (доисторической) археологии принято выделять памятники производственной деятельности, культовые и погребальные сооружения, поселения. По нашему мнению, в исторической археологии будут аналогичные типы памятников и направления их исследования: «промышленная археология», «церковная археология», «городская археология», а также «военная археология». Такие названия уже используются в разговорной речи, а схема структурирования исследования памятников исторического периода уже рассматривалась автором ранее [Курлаев, 1999, с. 90–92].

Библиографический список

- Баранов В.С. Летопись Верхотурского общежитского монастыря в связи с историей сказания о жизни Святого праведника Симеона Верхотурского. Нижний Новгород, 1910. 235 с.
- Баранов В.С. Верхотурский монастырь. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1894. №22. С. 532.
- Записки о жизни и подвигах Петра Алексеевича Мичурина, монаха и пустынножителя Василиска. М. : Издательство Козельской Введенской Оптиной пустыни, 1849. 274 с.
- Курлаев Е.А. Церковная археология: раскопки в Николаевском монастыре г. Верхотурья в 1989–1991 гг. // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1998. С. 92–109.
- Курлаев Е.А. Церковная археология в изучении и сохранении историко-культурного наследия Православие в судьбе Урала и России: история и современность // Материалы всероссийской науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.). Екатеринбург : ИИА УрО РАН ; Изд-во Екатеринбургской епархии, 2010. С. 19–24.
- Курлаев Е.А. Историческая археология на Урале // III Берсовские чтения. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1999. С. 90–92.
- Курлаев Е.А. Реконструкция облика металлургического завода XVIII в. в виде компьютерной модели // Информационно-аналитический бюллетень научного совета РАН по проблемам российской и мировой экономической истории. 2008. №6. С. 9–17.
- Массон В.М. Церковная археология как научное направление российской археологической науки // Церковная археология : материалы Первой Всероссийской конференции. СПб. ; Псков, 1995. С. 7–9.
- Слукин В.М. Тайны уральских подземелий. Свердловск : Среднеуральское кн. изд-во, 1988. 212 с.

References

- Baranov V.S. Letopis' Verhoturskogo obshhezhit'skogo monastyrja v svjazi s istoriej skazanija o zhizni Svjatogo pravednika Simeona Verhoturskogo [Chronicle of the Verkhotur'sky Hostel Monastery in Connection with the History of the Tale about the Life of Holy Righteous Simeon of Verkhotur'sk]. Nizhnij Novgorod, 1910. 235 p.
- Baranov V.S. Verhoturskij monastyr' [Verkhotur'sky Monastery]. Ekaterinburgskie eparhial'nye vedomosti [Yekaterinburg Diocesan Bulletin]. 1894. №22. 532 p.
- Zapiski o zhizni i podvigah Petra Alekseevicha Michurina, monaha i pustynnozhitelja Vasiliska [Notes on the Life and Exploits of Pyotr Alekseevich Michurin, a Monk and Basilisk Deserter]. M. : Izdatel'stvo Kozel'skoj Vvedenskoj Optinoj pustyni. 1849. 274 p.
- Kurlaev E.A. Cerkovnaya arheologiya v izuchenii i sohranении istoriko-kul'turnogo naslediya Pravoslavie v sud'be Urala i Rossii: istoriya i sovremennost' [Church Archaeology in the Study and Preservation of Historical and Cultural Heritage of Orthodoxy in the Fate of the Urals and Russia: History and Modernity]. Materialy vserossijskoj nauch.-prakt. konf. (Ekaterinburg, 18–20 aprelya 2010 g.) [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical. Conf. (Ekaterinburg, April 18–20, 2010)]. Ekaterinburg : IA UrO RAN ; Izd-vo Ekaterinburgskoj eparhii, 2010. Pp. 19–24.

Kurlaev E.A. Istoricheskaja arheologija na Urale [Historical Archaeology in the Urals]. III Bersovskie chtenija [III Bersovskie Readings]. Ekaterinburg : Bank kul'turnoj informacii, 1999. Pp. 90–92.

Kurlaev E.A. Rekonstrukcija oblika metallurgicheskogo zavoda XVIII v. v vide komp'juternoj modeli [Reconstruction of the Appearance of the Metallurgical Plant of the XVIIIth Century in the Form of a Computer Model]. Informacionno-analiticheskij bjulleten' nauchnogo soveta RAN po problemam rossijskoj i mirovoj jekonomicheskoi istorii [Informational and Analytical Bulletin of the Scientific Council of the RAS on the Problems of Russian and World Economic History]. 2008. №6. Pp. 9–17.

Masson V.M. Cerkovnaja arheologija kak nauchnoe napravlenie rossijskoj arheologicheskoi nauki [Church Archaeology as a Scientific Direction of the Russian Archaeological Science]. Cerkovnaja arheologija : materialy Pervoi Vserossijskoj konferencii [Church Archaeology: Materials of the First All-Russian Conference]. Pskov. 20–24 nojabrja 1995 g. SPb. ; Pskov, 1995. S. 7–9.

Slukin V.M. Tajny ural'skih podzemelij [Mysteries of the Ural Dungeons]. Sverdlovsk : Sredneural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 1988. 212 p.

E.A. Kurlaev

*Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences,
Ural Branch Ekaterinburg, Russia*

«CHURCH ARCHEOLOGY» AS A DIRECTION OF RESEARCH

In our opinion, “church archaeology” is one of the thematic areas of “historical archaeology” that deals with religious and funeral structures. These conclusions were made on the basis of studies of the cultural layer of the Nikolaev monastery in the city of Verkhoturje and the search for the remains of the Basilisk of Siberia and Konstantin Merkushinsky, recognized by the Russian Orthodox Church as saints. In the methods of searching, excavating and reconstructing archaeological monuments of the written epoch there are significant differences from the traditional research procedures of “prehistoric archaeology”. First of all, it is the synthesis of data from written and archaeological sources. The main working material of prehistoric eras – ornamented ceramics – is often absent. There is no need to isolate archaeological cultures, determine the ethnic and cultural identity of the creators of the monuments. The names of the builders and the period of existence of objects with high accuracy for archeology can be obtained from written sources. Research at the intersection of history and archaeology also implies work on a unified periodization of the sciences and the substantiation of the late chronological borders of archeology.

Key words: historical and archaeological methods, religious buildings, church archaeology.